УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)6
А 72
Антипина З.С.

Василий Каменский: основы формирования литературной репутации

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье рассматривается творческая стратегия В.В. Каменского по формированию своей литературной репутации как советского писателя. Обозначаются способы формирования литературной репутации на основе изучения литературных произведений, литературных автобиографий и творческого поведения. Обосновывается вывод о стилизации биографии как средстве утверждения литературной репутации.

Ключевые слова:

Советская литература, литературная репутация, В.В. Каменский.

В современной истории и теории литературы проблема литературной репутации и статуса писателя в литературном поле является одной из самых актуальных. Вопросы создания, изменения и форм проявления литературных репутаций становятся особенно важными при обращении к тем периодам в истории литературы, когда происходит смена литературного дискурса, и к тем авторам, которые создавали и меняли свою литературную репутацию в зависимости от социокультурных условий.

Подходы к изучению формирования и функционирования литературных репутаций были намечены Н.И. Розановым, Ю.Н. Тыняновым, Б.Н. Эйхенбаумом. Сегодня изучение литературных репутаций опирается на социолитературные исследования П. Бурдье, М. Берга, Д. Дубина, Л. Гудкова, А. Рейтблата. Анализ литературной репутации писателя подразумевает, в частности, изучение специфики функционирования произведений автора, его литературных биографий, литературного поведения, отношений с доминирующими силами литературного поля (прежде всего – властью). Рассматривая в указанном аспекте литературные произведения и литературные биографии Каменского, а также некоторые стороны его творческого поведения, мы впервые попробуем наметить основные пути формирования его литературной репутации как советского писателя.

Василий Каменский занимал исключительное место в ряду поэтов, шагнувших в советскую литературу из дореволюционного авангарда. Судьба бывшего поэта-футуриста в 1920-30-х гг. складывалась – во *внешнем, видимом* отношении – необыкновенно удачно. Он был любим публикой, владел многими внешними социальными атрибутами признанного советского поэта: орденами и медалями, подписанным М. Горьким членским билетом Союза советских писателей, бытовыми и социальными привилегиями (от большой усадьбы в селе Троица под Пермью до персональной пожизненной пенсии), его имя было присвоено нескольким пермским учреждениям. В то же время собственно литературные достижения Каменского в советский период были незначительны, художественные достоинства его произведений 1920-30-х гг. весьма скромны.

Дореволюционная жизнетворческая стратегия Каменского, реализованная в образе «поэта-футуриста», в советскую эпоху сменилась другим творческим «проектом» - «советского поэта». Целеустановка – стать советским поэтом – была проговорена Каменским в 1933 году на торжественном заседании оргкомитета Союза советских писателей СССР, посвященном 25-летию творческой деятельности поэта: «В течение 25 лет Я НЕ БЫЛ настоящим социалистическим поэтом, но только СТРЕМИЛСЯ им СТАТЬ» [выделено в публикации; 1]. Искренность этого высказывания относительна, поскольку необходимость и неизбежность такого «стремления» – для тех, кто хотел остаться в актуальном литературном поле – были заданы государством.

Формирование Каменским своей литературной репутации «советского поэта» происходило, во-первых, путем создания литературных текстов, соответствующих соцреалистическому канону 1920-30-х годов, во-вторых, путем вырабатывания новых правил литературного поведения, отличных от поведения поэта-футуриста.

Подтверждая статус советского поэта, Каменский на протяжении 1920-30-х гг. создавал литературные произведения в духе пролетарской поэзии. Он писал производственные пьесы, поэмы о трудовых подвигах машинистов, нефтяников, летчиков, крестьян, шахтеров и т.д., а его стихи стали частью «календарной поэзии» нового времени» [2: 282]. Но популярность Каменского у широкой публики определялась, по большому счету, всего одним произведением. С начала 1920-х и до середины 1940-х гг. Каменский активно эксплуатировал написанный им еще в 1915 г. и ставший очень популярным роман «Стенька Разин». Роман был переделан в поэму (1918) и пьесу (1919). Стихотворные отрывки из романа и поэмы публиковались практически во всех сборниках стихов Каменского. Один из сборников 1932 года назывался «Сарынь на кичку!» - эта фраза из поэмы стала своего рода идентификатором для поэта, неким слоганом творческого проекта «советский поэт Василий Каменский». Вместо ссылок на многочисленные воспоминания приведем очень характерное, на наш взгляд, высказывание М. Гаспарова: «Всеобщий любимец, он прославился поэмой про Степана Разина, и за это ему прощались все длинноты позднейших поэм» [3: 262].

После успеха сюжета о Степане Разине Каменский продолжал разрабатывать тему «народной вольницы». Пьеса «Емельян Пугачев» вышла в 1925 г., одноименная поэма – в 1931 г., поэма «Иван Болотников» - в 1934 г. В 1935 году вышел посвященный этим персонажам сборник «Три поэмы». Нужно отдать должное *чутью* (по собственному выражению Каменского) поэта – его произведения имели определенный (заметим – не литературный!) успех даже вопреки своей безыскусности. Издание «Емельяна Пугачева» 1931 года вызывает интерес библиофилов благодаря гравюрам Н.П. Дмитревского. На основе этого же романа Каменским было написано либретто для оперы, которую в 1942 году поставил на сцене Пермского театра оперы и балеты Ленинградский театр им. С.М. Кирова, находящийся в Перми в эвакуации. Так, переписывая, перелицовывая популярный роман «Стенька Разин», изготавливая многочисленные аналогии, Каменский (помимо получения гонораров от публикаций и многочисленных театральных постановок) активно использовал тот, в терминологии П. Бурдье, символический капитал, который был получен им еще с первым, оригинальным изданием.

Одним из лучших средств моделирования автором собственной творческой репутации является автобиография. Автобиографические произведения Василия Каменского, представляющие собой литературные тексты и являющиеся, по терминологии Ю. Тынянова, «литературным фактом», можно рассматривать как основной материал для анализа механизмов создания Каменским своей литературной репутации. Автобиографии Каменского имеют особое значение и потому, что автобиографический дискурс «образует главное речевое тело творчества Каменского, в котором и реализуется центр его творческой активности», не стихи, а «именно автобиографическая проза образует подлинный центр литературного наследия Каменского» [4: 156].

Футуристский жизнетворческий проект был представлен Каменским в книге «Его-моя биография Великого футуриста» в 1918 г., а образ советского поэта В.В. Каменского был создан и поддержан автобиографической книгой «Путь энтузиаста», вышедшей в 1931 г. Обе книги посвящены жизни поэта до 1917 года. Однако вторая автобиография в сравнении с «биографией футуриста» заметно корректирует дореволюционную жизнь Каменского. В ней отсутствуют детали и факты, свидетельствующие о материальном достатке Каменского. В первую очередь, это сюжет о его браке с дочерью богатого пермского купца А.В. Юговой и все связанные с этим реалии. Сюжет об участии Каменского в революции 1905 года получил в книге 1931 г. откровенную политическую окраску. В дореволюционной автобиографии Каменский описывает скорее собственное

эмоциональное переживание своего участия в событиях 1905 года – «энергично действовать», «мои политические речи действуют гипнотически, энтузиазно, огненно» [5: 85]. В советской автобиографии переживания сменились изображениями классовых врагов, которых не было в книге 1918 года: «Исправник, становой пристав Попов, жирные купцы, торговцы, священники играли главные роли хранителей безмятежного жития. А уж исключительным ореолом поклонения был окружен пышный дом управителя заводов. <...> Только не совсем спокойно выглядели в эти дни жандармский ротмистр, прокурор, начальник станции Кузнецов» [6: 57]. С идеологическими врагами герой вступал в открытое противостояние: «из-за того, что я не пожелал снять шапку перед начальником тюрьмы, старший надзиратель со всего маху ударил меня по голове шашкой в ножнах» [6: 60]. Соответственно изменилась мотивация некоторых действий и поступков Каменского. Так, в автобиографии 1918 года Каменский начал сотрудничать в екатеринбургских газетах «Уральская жизнь» и «Урал» «чтобы увеличить влиянье и заработок» [5: 84]. В 1931 году - «в екатеринбургской газете «Урал» печатались на самом видном месте мои стихи, отточенные гражданским сознаньем» [6: 56]

Книга «Путь энтузиаста» рассказывала о рождении советского поэта с классовым сознанием. Окончательная «перековка» Каменского из футуриста в советского поэта, преодоление формализма на последних страницах книги обозначались буквально: «С приходом Октября роль футуризма как активного литературного течения кончилась – это было ясно» [6: 221].

Ценность Каменского для нового времени, точнее – для новой власти, заключалась не только в его литературном творчестве. Каменский был интересен как герой исторического «вчера», как свидетель эпохальных, сакральных для советской истории событий. В его «правильной» биографии были и сиротское детство, и участие в революции 1905 года, и даже встреча с Лениным. Но главным в биографии «советского» Каменского стала дружба с Владимиром Маяковским. Не случайно в его выступлениях (особенно после 1935 года, когда началась канонизация Маяковского в истории советской литературы) почти всегда 1-ое отделение посвящалось Маяковскому и лишь 2-ое отводилось самому Каменскому. Каменский писал о своих украинских гастролях 1941 года: «Программа: в 1-ом отделении говорю о Маяковском, во 2-ом – исполняю свои поэмы» [7]. В том же 1941 году украинская газета «Коммуна» на первой полосе публиковала материал о «творческом вечере поэта-орденоносца Василия Каменского – одного из ближайших друзей величайшего поэта нашей эпохи Владимира Маяковского» [8]. Как «друга Маяковского» характеризовали Каменского практически все газетные и журнальные публикации. Подобно тому, как В.Паперный назвал Сталина земным репрезентантом Ленина [9: 190], мы можем сказать, что Василий Каменский на время стал одним из земных репрезентантов Владимира Маяковского. Более того, Каменский был в это время не «одним из друзей», а фактически единственным – для советской культуры – другом Маяковского. Остальные активные представители русского футуризма 1910-х гг., ближайшие соратники Маяковского, к тому времени либо умерли (В. Хлебников), либо эмигрировали (Д. Бурлюк). Статус В. Каменского как «друга В. Маяковского» был сродни статусу Л. Брик как «жены В. Маяковского».

Рефлексия Каменского по поводу своего места в новой литературной ситуации интересно проявилась в одном из его писем пермскому журналисту и редактору С.М. Гинцу. Рассказывая о выступлениях на Украине, Каменский писал: «Интерес громадный, всем нравятся мои поэмы, а мастерство моего оригинального исполнения встречают прямо восторженно, ибо здесь никто так не читает убедительно – для этого нет голосов и *стиля трибуна-поэта*» (выделено нами – З.А.); [8]. Фраза «*стиль трибуна-поэта*» примечательна по двум причинам. В советской литературе поэт-трибун – это, в первую очередь, Владимир Маяковский. Каменский, таким образом, предстает здесь последователем, прямым творческим наследником В. Маяковского. Во-вторых, Каменский, анализируя свое творческое поведение, определяя свой *стиль*, дает нам

основания, вслед за Г.О. Винокуром, усматривать в этом осознанное формирование «как бы особого рода идеала, канона, как нормы и образца собственного поведения» [10: 52].

Вписывая свое имя с помощью автобиографии в историю русского футуризма, то есть – в историю левого литературного движения, а затем – в историю советской литературы, Каменский сам постепенно становился частью этой истории. Г.О.Винокур в 1927 году писал, что при слиянии «стилизующего свое поведение персонажа» с «тем образом и идеалом, который постоянно находится перед его внутренним взором» «возникают фиктивные биографии, в создании которых главная доля участия принадлежит непременно самому герою. В такой фиктивной биографии фиктивны не сами факты, а только та экспрессивная атмосфера, которая им сообщается. Сочиняется здесь не личная жизнь, как таковая, а только ее стиль» [10: 53]. Если «социальный заказ» для поэтов 1920-30-х гг., в том числе для Маяковского, заключался в стихах, то для Каменского «социальным заказом» стала его собственная литературная репутация. В этом смысле Василий Каменский, СТРЕМЯСЬ стать советским поэтом, лишь соответствующим образом стилизовал свою творческую биографию, создав себе устойчивую литературную репутацию «советского поэта».

Примечания:

1. 25 лет творчества В.В. Каменского // Звезда. 1933. 26 марта. С. 2.
2. Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999. 557 с.
3. Гаспаров М.Л.. Русские стихи 1890-х-1925-го годов в комментариях. М.: Высш. шк., 1993. 272 с.
4. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь, 2001. 404 с.
5. Каменский В.В. Его-моя биография великого футуриста. М.: Китоврас, 1916. 228 с.
6. Каменский В.В. Путь энтузиаста. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1968. 240 с.
7. Каменский В.В. Письмо С.М. Гинцу. 13 марта 1941 г. // Государственный архив Пермской области. Ф. р1588. Оп. 1. Д. 247.
8. Волынин Г. Вечер творчества поэта-орденоносца В. Каменского // Коммуна. 1941. 4 февр. С. 3.
9. Паперный В.З. Культура «два» // Новое литературное обозрение. 1996. 382 с.
10. Винокур Г.О. Биография и культура. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 96 с.